

политика

Ю.В.Руднев ДВА ТЕЛА ФУКО

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ FOUCAULT STUDIES

Ключевые слова: Мишель Фуко, Колин Гордон, «Эффект Фуко», Foucault Studies, cultural studies

Согласно блогу www.foucaultnews.com, в 2015 г. были опубликованы следующие англоязычные статьи: «Цифровое тело: телеграфия как дискурс-сеть»¹; «Мультикультурализм, неолиберализм и вовлечение иммиграционных меньшинств в досуговые венчурь»²; «Сложные пространства заботы о сиротах — русское детское лечебное сообщество»³, «Фуко, экологически-рациональный туризм (sustainable tourism) и отношения со средой (человеческой и не-человеческой)»⁴, «Ментальность правления (governmentality) и моя школа: школьный директор в обществах контроля»⁵...

¹ Maddalena, Packer 2015.

² Golob, Gilles 2015.

³ Disney 2015.

⁴ Hanna, Johnson, Stenner, Adams 2015.

⁵ Niesche 2015.

⁶ Фуко 1994: 28.

⁷ О трудностях перевода будет отдельно сказано в конце статьи, поэтому тем, кто не может воспринимать англоязычные понятия в оригинальном виде, я советую начать чтение с заключительной части «Фуко и Россия». Пока же достаточно отметить, что журнал «Foucault Studies» имеет дело не только с постоянно увеличивающимся в объеме корпусом работ, сосредоточенных на идеях Фуко, но и с теми исследованиями, которые используют их в качестве отправной точки (Foucault Studies s.a.).

После прочтения этого ряда заглавий кажется вполне уместным вспомнить цитату из предисловия к «Словам и вещам» Мишеля Фуко: «Предел нашего мышления — то есть совершенная невозможность мыслить *таким образом* — вот что сразу же открывается нашему взору, восхищенному»⁶ этим перечнем. Сам Фуко, возможно, посмеялся бы над ним сильнее, чем над фрагментом из «китайской энциклопедии», выдуманной Борхесом.

Однако за исследованиями, перечисленными выше, стоит определенное идейное единство: с одной стороны, их авторы дерзнули среди ключевых слов указать «Мишель Фуко», с другой стороны, блог www.foucaultnews.com, в котором помещена информация о публикациях, ведет специалист по творчеству мыслителя. Клэр О'Фаррелл в 1980-х годах посещала лекции Фуко, брала у него интервью, посвятила ему ряд работ и, следовательно, обладает сформировавшейся позицией, в соответствии с которой выбирает «то», а не «другое». Помимо всего прочего, в 2004 г. О'Фаррелл приняла участие в создании журнала «Foucault Studies»⁷, являющегося на сегодняшний день единственным изданием, материалы которого сфокусированы на Фуко и репрезентируют коллективный взгляд одной из самых многочисленных групп исследователей, изучающих и использующих его теорию в своих трудах.

Попытке разобраться в том, как возник этот взгляд, в чем его основные черты, что представляет собой сообщество исследователей, занимающихся *Foucault Studies*, и посвящена настоящая статья. Важность понимания закономерностей *англоязычной* рецепции работ

Фуко продиктована тем, что она формирует сейчас академический канон, задает идеологические, методологические, тематические образцы для исследователей в различных частях научного мира. И это актуально не только для Фуко. А в его случае — актуально даже для французской академии, казалось бы по праву претендующей здесь на первенство. Гипотеза, которую я постараюсь доказать на последующем материале, заключается в том, что современный способ «мыслить Фуко» не сосредоточивается на прояснении содержания его идей, на понимании их как факта интеллектуальной истории. Они становятся ценны лишь в отношении к актуальной социокультурной и политической повестке, волнующей западное научное сообщество. На примере различных высказываний представителей *Foucault Studies* я продемонстрирую, что идеи Фуко воспринимаются ими не как замкнутая система, а как *критическая теория* (critical theory). Такой подход, впрочем, не уникален — он характерен, в частности, для современных *cultural studies*.

Парадоксальным образом для *фукольдианцев*, взявших на себя роль продолжателей проекта Фуко, с определенного момента перестает иметь значение тот факт, что жизнь мыслителя была ограничена конкретным пространственно-временным горизонтом истории, в том числе истории идей; «осязаемость» тела Фуко и корпуса его сочинений исчезает. Их теперь репрезентирует «мистическое тело» мыслителя, которое обладает особой иконографией и за которым стоит «корпорация», разделяющая установку на возможность и правомерность нового, воображаемого существования. Говоря словами Эрнста Канторовича, одно тело Фуко как бы «происходит из природы, а другое — из политики»⁸, причем первое, *corpus verum*, сегодня уступило, делегировало свои права второму, то есть корпорации, или *corpus imaginatum*⁹.

Удивительно, насколько точно западная цивилизация воспроизводит описанную Канторовичем древнюю модель преемственности — и не только на уровне академии. После смерти Фуко в 1984 г., когда два его «тела» оказались разделенными, облик *corpus verum* мыслителя превратился в обозначающую его присутствие с нами *эффигию*¹⁰ — «сакральный» объект культуры, часть современного искусства, находящуюся у всех на виду. В работе, излагающей в доступной форме основные концепты Фуко, О'Фаррелл замечает, что тот превратился в «поп-икону», узнаваемые черты которой можно встретить на обложках книг, в журнальных комиксах и карикатурах. Это лысый «яйцеголовый» мужчина, непременно в очках¹¹.

Фуко присутствует на граффити и сувенирных футболках; через интернет можно приобрести даже его буквальную эффигию-марионетку. Идеология молитв, которые возносятся к «иконе», прочитывается в различных подписях к изображениям — например, «Сохраняй спокойствие и цитируй Фуко!» («Keep calm and quote Foucault!»), «Мне все по Фуко!» («I don't give a Foucault!»), «Фуко был прав» («Foucault was right»). Как пишет О'Фаррелл, для одних он «святой — покровитель геев», «прошед-

⁸ Канторович 2014: 45.

⁹ Там же: 195—196.

¹⁰ «...Эффигии использовались при королевских похоронах: мертвое... природное тело короля покоилось в свинцовом гробу... а его обычно невидимое политическое тело было в этом случае зримо представлено вместе с его пышными регалиями манекеном» (Там же: 379; подробнее см. с. 378—391).

¹¹ O'Farrell 2005: 1.

ший через пытки гомосексуалист, одержимый мыслями о смерти», для других — грешник, для третьих — радикальный боец за свободу¹².

Образ Фуко, который О'Фаррелл определяет как «концентрированное воплощение гиперинтеллектуальности и непостижимой французской философии»¹³, был наиболее популярен во Франции — скорее всего, как форма символического присвоения. Однако в процессе интернационализации, инструментализации и даже институционализации (в виде *Foucault Studies*) теории Фуко в англоязычной историографии он стал постепенно размываться. Посвящение в фукольдианцы сегодня происходит не через чтение главных работ мыслителя в оригинале, а через различные «введения» (такие, как книга О'Фаррелл), «справочники» и ридеры¹⁴, сборники лекций, интервью и даже комиксы, транслирующие «сакральное» знание в регистре обыденного, общедоступного.

¹⁴ См., напр. Foucault 1980; Rabinow (ed.) 1984; Gutting (ed.) 2005.

«Собственное и истинное тело» Фуко

¹⁵ Согласно статистике ISI Web of Science (Most Cited Authors 2009).

¹⁶ Данный ресурс предоставляет информацию о научном цитировании, которая по своей релевантности сопоставима со статистикой базы Web of Science и даже в некоторых аспектах превосходит ее. Подробнее см. Kousha, Thetwall 2007; Harzing 2008; Aalst 2010.

¹⁷ Подробнее см. Megill 1987, esp. 139.

¹⁸ См., напр. Megill 1987; Still, Velody (eds.) 1992; Gutting (ed.) 2005.

¹⁹ См. Mandrou, Braudel 1962.

²⁰ Megill 1987: 126.

²¹ Вен 2013: 8.

В 2007 г. Фуко занимал первое место по цитированию в области гуманитарных наук, незначительно обгоняя Пьера Бурдьё¹⁵; на основе ресурса *Google Scholar*¹⁶ мы можем сказать, что в 2014—2015 гг. разрыв между ними заметно увеличился. И поскольку в конце 1970-х годов положение мыслителя среди других громких имен XX в. было гораздо скромнее¹⁷, складывается впечатление, что за посмертные десятилетия международное научное сообщество признало универсальность и широкую востребованность его теории.

Действительно, нынешняя ситуация серьезно контрастирует со сложной и неравномерной прижизненной рецепцией, которая не только довольно подробно описана исследователями¹⁸, но и зафиксирована в упомянутом выше образе Фуко как «концентрированного воплощения гиперинтеллектуальности и непостижимой французской философии». Для представителей французской академии самыми трудными оказались его структуралистские работы, среди которых особенно выделяются «История безумия» (1960) и «Археология знания» (1969).

Фуко, писавшего «истории», отказывались воспринимать как коллегу классические историки. На «Историю безумия» отреагировали только анналисты Фернан Бродель и Роже Мандру, в критическом отзыве отметившие одновременно и блестящее, и чрезвычайно сложное для уразумения письмо¹⁹. Больше ссылок на Фуко на страницах журнала «Анналы» в 1960-е годы не появлялось²⁰. По свидетельству близкого друга мыслителя Поля Вена, когда эта книга вышла в свет, «некоторые французские историки, включая самых благосклонных... поначалу неверно поняли [ее] направленность»²¹.

С середины 1960-х годов в связи с успехом «Слов и вещей» (1966) и активным участием их автора в интеллектуально-политических событиях во Франции, прежде всего в тех, которые принято обозначать как «1968 год» и «культурная революция», ситуация начинает меняться. Но, несмотря на стремительно пришедшие славу и популярность, было бы

иллюзией считать, что участники споров вокруг работ Фуко достигли какого-то согласия. В 1973 г. Хейден Уайт, один из самых внимательных англоязычных читателей Фуко, выпустил статью под названием «Фуко декодирован», где высказал мнение, что манера историописания французского интеллектуала больше похожа на современную поэзию, чем на традиционную историческую науку²². С этим мнением солидаризировались и другие исследователи, в первую очередь англо-американские историки, считавшие, что «История безумия» (переведена на английский в 1972 г.) — это «провокационно, ослепительно написанная прозаическая поэма»²³.

Образ Фуко как воплощения «непостижимой французской философии» не закрепился надолго, однако породившая его культурная ситуация 1950—1960-х годов определила другие, более стабильные черты «реальной» биографии, противоречащие конструируемому «мистическим» жизнеописаниям.

Фуко никогда не высказывался о себе напрямую, не открывал фактов, которые могли бы взбудоражить общественность. О том, что он гомосексуалист, знали немногие, тем более что во Франции гомосексуализм был декриминализован лишь в 1981 г., за три года до смерти мыслителя. Приведший к ней СПИД в то время практически официально считался «раком гомосексуалистов»²⁴, поэтому заболевание несло на себе печать нечистоты, аморальности. Газета «Libération» в специальном номере, вышедшем на следующий день после смерти Фуко (26 июня 1984 г.), попыталась опровергнуть слухи, что та была следствием этой болезни. Большой скандал вызвала даже публикация в 1990 г. автобиографического романа Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь», где тот изложил некоторые подробности своих гомосексуальных отношений с Фуко и детально описал собственные переживания, связанные с лечением СПИДа²⁵. В области невысказанного был, конечно, и скандал, из-за которого Фуко в 1958 г. стремительно покинул фактически возглавлявшийся им Центр французской цивилизации в Варшаве²⁶, и его юношеские попытки самоубийства, и садомазохистские эксперименты в Калифорнии. Об этом всем мы узнали позже, из посмертных биографий.

Другим фактором, повлиявшим на формирование современного образа Фуко, стал пересмотр запрета мыслителя на посмертные публикации. За строгим его соблюдением, согласно завещанию, должен был следить последний бойфренд Фуко Даниель Дефер, сегодня — один из самых известных фукольдианцев, лидер международной организации по борьбе со СПИДом, приезжавший с лекциями в Москву в 2006 г. Однако Дефер пошел на хитрость, опубликовав под своей редакцией в 1994 г. крупнейшее посмертное издание лекций и интервью Фуко *Dits et Écrits* в 4-х томах²⁷, каждый объемом почти в 900 страниц. Он мотивировал свой шаг тем, что это не обнародование черновиков/переписки, а лишь попытка собрать под одной обложкой то, что уже когда-то появлялось в печати или было записано на аудиопленку. Так увидели свет

²² White 1973: 50—54. *Методология исследований Уайта была вдохновлена французским структурализмом.*

Он цитировал Фуко в «Метаистории» (1973) (Uyit 2002), написал рецензию на «Надзирать и наказывать» (White 1977) и статью «Мишель Фуко» для сборника работ о структурализме (White 1979).

²³ Scull 1992: 151.

²⁴ Macey 2004.

²⁵ Guibert 1990.

²⁶ Эрибон 2008: 119.

²⁷ Foucault 1994.

фрагменты лекционных курсов «Безопасность. Территория. Население» (1977—1978) и «Рождение биополитики» (1979—1980), не вошедшие в книги Фуко, однако содержащие в себе теоретическую разработку концептов «ментальность правления» (*gouvernementalité*) и «биовласть». Тематика этих лекций послужила основой еще большей интернационализации и инструментализации теории мыслителя, приведя к возникновению целого направления исследований, *governmentality studies*, до сих пор активно развиваемого фукольдианцами.

Наконец, во время лекций в Коллеж де Франс, читавшихся вплоть до 1981 г., Фуко постоянно жаловался на отсутствие дискуссионной среды; только в Калифорнии, в университете Беркли, ему удалось организовать собственную рабочую группу²⁸. Иными словами, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся им попытки, Фуко при жизни так и не создал школу или кружок своих учеников: сегодня больше известны не исследователи, работавшие с ним (пусть от случая к случаю), а, например, вдохновленные им Джорджо Агамбен и Стюарт Холл.

²⁸ *Подробнее см. Beaulieu 2010: 144—145; Elden 2015.*

Эффект Фуко

Согласно статистике *Google Scholar*, на сегодняшний день три самые цитируемые книги Фуко на английском — это «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы»²⁹, «История сексуальности»³⁰ и сборник лекций и интервью «Власть/знание»³¹. Перечисленные тексты появились в период, когда Фуко уже стал политическим активистом, публичным интеллектуалом, хорошо известным зарубежной (то есть не французской) аудитории. Они сфокусированы на анализе форм власти, характерных для Запада, на том, как они формируют индивида, его знание о себе. Почему же именно эти работы стали наиболее популярными, почему большинство адептов выбрало их в качестве главного объекта обсуждения и цитирования?

Проследить зарождение принципа, сводящего многообразие работ Фуко и их тематики к указанным текстам, на мой взгляд, позволяют редакторские комментарии Колина Гордона к сборнику «Власть/знание», первому и до сих пор популярному «ридеру», с помощью которого можно познакомиться с теорией французского мыслителя.

В предисловии к сборнику Гордон пишет, что в «клубящейся туманности галльских светил», на наблюдение за которой исследователи тратят столько интеллектуальных сил, не всегда просто распознать специфику Фуко и его работ³². В связи с этим возникает желание для упрощения их восприятия «сконструировать» (как «алеаторный коллаж с открытым финалом») недидактический «учебник для начинающих», включающий в себя ряд текстов, в которых Фуко прямо и простыми словами объясняет замысел своего творчества — его главные этапы, устойчивую тематику. По мнению Гордона, подобный «учебник», подкрепленный вниманием к политическому и интеллектуальному окружению мыслителя, позволит увидеть за «туманными и спорными»

³² *Gordon 1980a: vii.*

лейблами структурализма и марксизма полезность и оригинальность, присущую его текстам. Редукционизм Гордона эксплицирует ту идею, что в теории Фуко история и философия пересекаются, взаимодействуя с актуальностью настоящего³³, что она — его ответ на ряд сквозных вопросов, поставленных историческим опытом и трансформациями в политической теории и практике, наиболее отчетливо проявившимися в событиях мая 1968 г.³⁴

³³ *Ibid.*: viii.

³⁴ *Ibid.*: ix.

В послесловии к сборнику дается более развернутая интерпретация. По словам Гордона, события 1968 г. были обусловлены общей интеллектуальной ситуацией во Франции, главной составляющей которой являлась попытка переосмыслить систему наук о человеке, определить ее пресуппозиции³⁵. Поэтому Фуко в тот период одновременно активно участвовал во всевозможных политических инициативах и в своих трудах теоретически прорабатывал вопрос, «как соотносятся власть и знание — наука и политика в общем смысле»³⁶. Власть Фуко понимал как структуру, охватывающую различные *стратегии, технологии и программы* наблюдения и контроля, а не как некую субстанциальную сущность, «силу»³⁷; а значит, как считает Гордон, мы должны сосредоточить свое внимание на этих трех ее компонентах.

³⁵ *Gordon 1980b*: 231.

³⁶ *Ibid.*: 233.

³⁷ *Ibid.*: 235—236.

Интерпретирующий редукционизм, сводящий тематическое разнообразие работ Фуко к концептуальной оппозиции «власть — знание», получил дальнейшее развитие в двух посмертных сборниках — «Эффекте Фуко»³⁸, который до сих пор остается самым цитируемым трудом, посвященным мыслителю; и «Переписывая „Историю безумия“»³⁹, где впервые было замечено, что в англоязычной науке теория Фуко утратила самоценность и была адаптирована различными авторами под задачи частных исследований.

³⁸ *Burchell, Gordon, Miller (eds.) 1991*.

³⁹ *Still, Velody (eds.) 1992*.

Изданный в 1991 г. под редакцией Гордона сборник «Эффект Фуко», вне сомнения, представляет собой важную веху в формировании англоязычной рецепции трудов мыслителя. В него входят уже не только переводы, объединенные общей темой «ментальности правления» (*governmentality*), но и работы, написанные исследователями, считающими себя последователями Фуко (среди них Дефер, Паскуале Паскуино, Робер Кастель, Франсуа Эвальд).

Выбор заглавия объяснен следующим образом: «..., эффект Фуко — это попытка через особую перспективу в истории настоящего продемонстрировать различные формы, в которых практиковалась и осознавалась такая деятельность или даже искусство, как *правление* (*government*)»⁴⁰. Авторы отказываются называть себя школой или направлением; скорее они «разделяют особую исследовательскую страсть, стремление проанализировать *измерение исторического существования* (курсив мой — *Ю.Р.*) таких современных феноменов, как государственный интерес (*reason of state*), политика, либерализм, безопасность, общественная экономика (*social economy*), страхование, солидаризм, социальное обеспечение, риск-менеджмент, которое, возможно, больше всего хотел вычленивать и описать Фуко»⁴¹.

⁴⁰ *Burchell, Gordon, Miller (eds.) 1991*: ix.

⁴¹ *Ibid.*: ix.

Призыв Фуко «отсечь королю голову» в пространстве политической теории, то есть сместить взгляд с понимания «правления» (government) как «силы» на то, что оно — «деятельность или искусство, затрагивающее каждого», был реализован его последователями дважды. Во-первых, он воплотился в особую форму исследовательского критицизма, который сам по себе является силой, способной менять реальность, расширяя горизонт осмысленного и открывая возможность для альтернатив⁴². Во-вторых, теории Фуко тоже «отсекли голову» — через выборочное прочтение и инструментализацию; право на ее дальнейшее развитие и применение теперь закрепила за собой корпорация фукольдианцев.

⁴² *Ibid.*: x.

В 1992 г. в виде сборника «Переписывая „Историю безумия“» была опубликована дискуссия, толчком к которой послужила статья Гордона⁴³, где утверждалось, что перевод на английский язык первой книги мыслителя содержит множество ошибок, исказивших исходный текст до неузнаваемости. Неверному прочтению, зачастую даже не видящему разницы между оригиналом и переводом, Гордон противопоставил свою трактовку. С его точки зрения, «История безумия» получила неправильную интерпретацию, поскольку философская традиция Фуко чужда англоязычному научному сообществу: книга выглядит «слишком спекулятивной, чтобы быть историей, и слишком эмпирической, чтобы быть философией»⁴⁴. Кроме того, перевод оказался короче оригинала на 300 страниц, и вместо тысячи с лишним сносок Фуко там осталось всего 149.

⁴³ *Gordon 1990*.

⁴⁴ *Still, Velody (eds.) 1992: 4*.

Полемизируя с Гордоном, Доминик Лакапра, со своей стороны, доказывал, что «История безумия» — «самый амбициозный проект Фуко» и потому акцентирование упущенных фрагментов так, будто в них содержится вся суть, близко к «сомнительному и излишнему вниманию современных „неофукольдианцев“ и приверженцев нового историзма к поздним работам Фуко». Тем самым, согласно его оценке, многообразие книги редуцируется к диаде «власть/знание»⁴⁵.

⁴⁵ *LaCapra 1992: 78*.

В свою очередь Кастель, соглашаясь с тезисами Гордона, обращал внимание на еще одну причину, по которой англоязычное научное общество читает Фуко по-другому. В 1960-х годах «История безумия» воспринималась прежде всего как теоретическая работа, однако к началу 1970-х годов интеллектуальный контекст во Франции изменился. В результате у книги появилась новая аудитория, «отмеченная политическим активизмом», интересом к «антирепрессивной проблематике» и потому чувствительная к практическому и политическому смыслам текста⁴⁶. По мнению Кастеля, Фуко был не против того, чтобы параллельно существовали два прочтения, легитимируя их собственной ролью интеллектуала, который тратит свой «особый капитал» на достижение общественных целей⁴⁷.

⁴⁶ *Castel 1992: 65–66*.

⁴⁷ *Ibid.*: 67.

Высказывания Лакапры и Кастеля — та критика, благодаря которой мы можем понять, что риторика Гордона неявно приравнивает его собственную интерпретирующую редактуру, обоснованную в сборнике

«Власть/знание», к редакции самого Фуко. Гордон ищет корни теории мыслителя в событиях 1968 г., упрощая интеллектуальный контекст эпохи и излишне акцентируя локальные политико-культурные коннотации. Между тем последователи Фуко относятся скорее к той новой аудитории, о которой пишет Кастель: после смерти Фуко они решили применить его теорию к предметам, изначально не находившимся в фокусе его внимания.

Foucault Studies

Тенденции, проявившиеся в начале 1990-х годов, в последние два десятилетия оформились и закрепились. С одной стороны, это произошло благодаря масштабному изданию и переизданию лекций и интервью Фуко, с другой стороны, теория мыслителя в редуцированном фукольдианцами виде оказалась чрезвычайно продуктивной для анализа многообразия современных событий. На сегодняшний день сообщество фукольдианцев — это уже не просто сообщество исследователей, объединенных желанием изучать «эффект Фуко», а организованное направление *Foucault Studies*, которое структурой, идеологией и даже названием напоминает *cultural studies*.

Об устойчивом интересе к проблематике, обозначаемой диадой «власть/знание», свидетельствует прошедшая в 2011 г. конференция, посвященная 20-летию сборника «Эффект Фуко». В ней приняли участие не только его авторы, но и те, кто за это время сформировал аудиторию исследований ментальности правления, то есть *governmentality studies*⁴⁸. О значительно расширившемся круге фукольдианцев говорит и тот факт, что, как уже упоминалось, по уровню цитирования сборник занимает уверенное первое место среди работ, связанных с Фуко.

⁴⁸ *The Foucault Effect 2011.*

По оценке Гордона, прозвучавшей в его выступлении на конференции, «посмертные публикации... позволяют увидеть, что история ментальности правления (*governmentality*), интересовавшая мыслителя и других исследователей, подразумевает и требует сопутствующей генеалогии политики — политической культуры и поведения, совместного обитания, субъективности»⁴⁹. На примере различных фрагментов опубликованных лекций 1983—1984 гг. комментатор делает вывод, что «греко-римское путешествие» Фуко не было завершено, поэтому сегодня можно не только «инструментализировать» его теорию для собственных исследований, но и «попытаться в меру сил закончить или хотя бы продолжить заниматься тем, что, возможно, было частью его общего замысла»⁵⁰.

⁴⁹ *Gordon 2011.*

⁵⁰ *Ibidem.* То, как выборочное чтение Фуко привело к возникновению фукольдианства, удивительно напоминает случай «ленинизма» («Дедушка умер, а дело живет!»). Здесь уместно вспомнить исследования Алексея Юрчака о «телех Ленина» (подробнее см. *Yurchak 2015; Юрчак 2015*).

С такими «воображаемыми» исследованиями можно познакомиться в журнале «Foucault Studies», авторы которого стремятся распространить «эффект Фуко» в том числе и на предметные области, отсутствовавшие при жизни мыслителя. Именно с перечисления заглавий характерных работ началась настоящая статья. Если для тех, кто по-прежнему видит в Фуко «воплощение непостижимой французской философии»,

подобные исследования еще выглядят чем-то странным, то в рамках *Foucault Studies* они вполне легитимное и частое явление.

Сами редакторы журнала заявляют, что «имя „Фуко“ на обложке» — «это не имя на двери закрытого клуба», а «приглашение отойти от конвенций дисциплин, продолжая собственные скрупулезные исследования»⁵¹. В имени «Фуко» слышится призыв продолжить его борьбу с академической «ортодоксией» посредством применения теории мыслителя к широкому кругу актуальных проблем, не вписывающихся в какие-либо дисциплинарные рамки. Пространство *Foucault Studies* — и как журнала, и как области исследований, и как научного сообщества — то «воображаемое тело» Фуко, та корпорация, которая заменила собой сегодня его «истинное тело».

⁵¹ *Foucault Studies*
s.a.

Два последних номера «Foucault Studies» тематически озаглавлены как «Этнографии неолиберальных ментальностей правления (governmentalities)» (№ 18, 2014) и «Инвалидность (Disability)» (№ 19, 2015). Выпуск, посвященный *disability studies*, тематизирует связи, которые, по мнению авторов, существуют между Фуко и социальным конструктом инвалидности в перспективах «философии феминизма, ментальности правления (governmentality), биовласти, неолиберальных политик и исторической эпистемологии»⁵².

⁵² *Raffnsøe et al.*
2015: 2.

Отмечая, что за последние 10 лет работы об инвалидности не только распространились на самые отдаленные части социальных и гуманитарных наук, но и были включены в программы университетского и школьного образования, подготовившая выпуск Шелли Тремейн видит его задачу в том, чтобы преодолеть маргинальность подобных исследований для *Foucault Studies*, совершив одновременно и «критическую интервенцию в исследования, посвященные Фуко, и переоценку его работ... в рамках философии и истории инвалидности и *disability studies*»⁵³. В соответствии с этим в одной из статей, теоретически осмысляющей кейсы токсического отравления ртутью и отношений между слепыми и их собаками-поводырями, вводится концепт гетеротопического воображения⁵⁴, развивающий концепт гетеротопии Фуко. С точки зрения автора, этот концепт позволяет соединить выводы Фуко о среде, ментальности правления (governmentality) и гетеротопии с критикой английской социальной модели и неолиберальных концепций инвалидности.

⁵³ *Tremain 2015:*
4—5.

⁵⁴ *Fritsch 2015.*

Применение теории Фуко при анализе современных проблем неолиберальных обществ из тенденции постепенно превращается в часть общего контекста исследований. Номер «Foucault Studies», озаглавленный «Этнографии неолиберальных ментальностей правления», нацелен на обновление и расширение фукольдианской критики неолиберализма. Его авторы пытаются разработать «подходящие инструменты для анализа гетерогенности неолиберальных трансформаций». Использование этнографического метода противопоставлено «тенденции воспринимать неолиберализм как монолитную, однородную сущность, которая развивается линейно»⁵⁵.

⁵⁵ *Raffnsøe et al.*
2014: 1.

По словам руководителя авторского коллектива Мишеля Брэди, актуальность вошедших в номер работ определяется, во-первых, тем, что наше настоящее сформировано неолиберальной рациональностью правления, во-вторых, потребностью в аналитике, которая вместо полемических обобщений позволяет проводить детализированные описательные исследования⁵⁶. Для решения этой задачи авторы, вдохновленные анализом ментальности правления (*governmentality*) Фуко, не только собрали множество важных эмпирических данных, но и пересмотрели некоторые концепты мыслителя с помощью этнографических методов (в частности, интервьюирования и включенного наблюдения). Полученные ими результаты показывают, что, хотя неолиберальная рациональность сегодня невероятно влиятельна, она не всегда является главным драйвером развития общественных сфер. Поэтому «не-неолиберальные рациональности» заслуживают как минимум равного внимания к себе.

Среди молодых западных исследователей возникла тенденция говорить о Фуко как в первую очередь о неолиберальном мыслителе⁵⁷. В начале 2015 г. в упомянутом выше блоге www.foucaultnews.com развернулась дискуссия вокруг вышедшего в 2014 г. сборника «Критика Фуко: 1980-е годы и либеральное искушение»⁵⁸. Его редактор Даниель Замора в интервью известному левому американскому сетевому журналу «Якобинец» скандально заявил, что в последние годы жизни Фуко весьма позитивно высказывался о неолиберальной идеологии и даже репрезентировал ее идеи своими работами. Поэтому обескровленная левая идеология не смогла противопоставить вызовам либертарианцев ничего серьезного⁵⁹.

Заявление Заморы вызвало широкий резонанс среди фукольдианцев. При этом и сторонники, и противники данного тезиса сошлись во мнении, что хотя попытка приписать Фуко неолиберальные взгляды не нова, ввиду множества контраргументов для этого нет достаточных оснований⁶⁰. Подводя итоги дискуссии, Гордон в духе «старых» фукольдианцев констатировал, что Фуко не был либертарианцем, но его теория помогает понять те черты неолиберализма, которые он не застал или не зафиксировал⁶¹.

Foucault Studies и cultural studies

Выше я характеризовал *Foucault Studies* содержательно, «изнутри» — из перспективы их возникновения и развития, с точки зрения идеологических и методологических установок исследовательского сообщества. Вместе с тем логично задаться вопросом: насколько этот феномен гуманитарной науки уникален, имеет ли он сходные формы? Довольно продуктивным здесь представляется сравнение *Foucault Studies* с *cultural studies* — явлением пусть и другого масштаба, но во многих чертах близким.

Область *cultural studies* возникла относительно недавно (в 1950—1960-е годы), испытав вначале сильное влияние марксизма, а затем —

неолиберализма, с утверждением которого она приняла форму глобального движения. Одной из институций, с которыми связано теоретическое оформление *cultural studies*, был Центр исследований современной культуры в Бирмингеме (закрыт в 2002 г.). В разное время его возглавляли Стюарт Холл и Ричард Джонсон, в работах которых немало говорится о «научной идеологии» исследовательского сообщества.

Прежде всего обращает на себя внимание методологическая близость двух исследовательских направлений. Различные представители *Foucault Studies* (в том числе Гордон, а также редакция журнала и составители рассмотренных выше тематических номеров) неоднократно отмечали, что методология их исследований призвана преодолеть «ортодоксию» традиционных дисциплин. Кроме того, она нацелена на практическое приложение теории мыслителя к совокупности феноменов, которые могли бы так или иначе его заинтересовать, если бы он оказался их очевидцем.

Сходным образом в классической статье «Что же такое, наконец, *cultural studies*?»⁶² Джонсон указывает на многочисленные попытки представителей данного направления «выйти за рамки стерильного противопоставления рационализма и эмпиризма в поиске более продуктивной формы отношений между теорией (или „абстракцией“) и „конкретными исследованиями“»⁶³.

Как следует из дискуссий о методе *cultural studies*, в его основе лежит в первую очередь социально-экономическая и политическая философия Франкфуртской школы. Среди известных представителей этой школы можно назвать Теодора Адорно, Вальтера Бенямина, Герберта Маркузе, Юргена Хабермаса, Макса Хоркхаймера⁶⁴. Именно благодаря их влиянию в Америке появилось то, что Чарльз Райт Миллс назвал «абстрагированным эмпирицизмом», — i.e. критическая теория, аккумулировавшая и адаптировавшая различные концепции, дабы затем использовать их для улучшения современного общества, не принимая в расчет культурное, идеологическое, политическое происхождение идей⁶⁵.

Точно так же критическая теория использовалась в европейских *cultural studies*, выступая в качестве средства борьбы марксистски ориентированных интеллектуалов с либерализмом⁶⁶. Холл, «интеллектуальный лидер программы культурных исследований»⁶⁷, строивший свою теорию на классическом марксизме, был убежден в невозможности создавать и писать историю, не вовлекаясь в соответствующий процесс. Поэтому метод *cultural studies* не признает «радикального разделения между теорией и конкретным историческим контекстом», ибо последний «является одновременно и объектом изучения, и условием существования»⁶⁸. Поясняя эту мысль, Холл использует метафору Бенямина, в которой противопоставлены маг и хирург: первый работает над поверхностным слоем реальности, второй проникает в ее глубину. Отвергая претензии эмпириков-«магов» на непосредственный доступ к реальности, Холл сосредоточивается на поиске методов и концептов,

⁶² Johnson 1986.

⁶³ Ibid.: 39.

⁶⁴ Hardt 1996: 105.

⁶⁵ Ibid.: 106.

⁶⁶ Ibid.: 107.

⁶⁷ Куренной 2012: 15.

⁶⁸ Grossberg 1996: 153.

которые позволили бы обнаружить в ней те структуры, которые не видны невооруженным взглядом⁶⁹.

⁶⁹ См. Hall 1980.

Стремительное развитие и популярность обеих исследовательских областей определила их методология, предполагающая актуальность, ориентацию на современность, созвучную бурному ходу политических событий. Однако если *cultural studies* стали всеядными и готовы применять любую теорию при условии ее эффективности, то *Foucault Studies* несут на себе отпечаток имени конкретного мыслителя. Они — корпорация его последователей, фукольдианцев, поэтому их методологический и тематический аппарат разворачивается «из себя» — за счет инструментализации теории Фуко.

«Всеядность» *cultural studies* подтверждается, в частности, тем, что Холл, по его собственным словам, «многому научился у анализа взаимоотношений между *властью и знанием*» (курсив мой — Ю.Р.) Фуко⁷⁰. Его попытка обновить свои марксистские установки с помощью дискурс-анализа привела к тому, что, по мнению некоторых исследователей, в конце 1980-х годов его теория стала даже более фукольдианской, чем марксистской⁷¹.

⁷⁰ Hall, Grossberg 1996: 135.

⁷¹ Sparks 1996: 96.

В интервью 1992 г. Холл высказывался о мыслителе, будто чувствуя, что происходит с его творчеством и по какому пути пойдут *Foucault Studies*: «Возьмите Фуко. Фуко не политический активист в обычном смысле слова, однако если мы почитаем его интервью, то сразу же поймем, что его работы имеют отношение к сопротивлению, к политике в области секса, к 1968 году, к дебатам о Западе, к природе государственной власти и ГУЛАГу; они имеют политические следствия. Удивительно гибкие, исследования Фуко (Foucauldian studies) могут быть воспроизведены внутри американской академии, которая все время сосредоточена на проблеме власти: каждая вторая строчка там пишется о власти/дискурсе, власти/знании...»⁷²

⁷² Hall, Chen 1996: 398.

К указанным методологическим и идеологическим сходствам можно добавить преимущественную англоязычность и порожденную ей интернациональность. Но если исследовательское сообщество *cultural studies* децентрализовано (или полицентрично), то *Foucault Studies*, напротив, сосредоточены вокруг конкретных текстов, журнала, блогов. Материальную аналогию их «воображаемому» пространству можно найти в Париже, где напротив Коллеж де Франс располагается сквер, названный именем Мишеля Фуко. В нем нет памятника; этот сквер — место, в котором каждый может представить себе Фуко таким, каким пожелает.

Фуко и Россия: вместо заключения

В СССР «Слова и вещи» были переведены Виктором Визгиным и Натальей Автономовой и изданы в 1977 г.⁷³, в брежневскую эпоху; книгу даже обсуждал Юрий Лотман⁷⁴. Но остальной Фуко, ранее не известный большинству, возник в отечественной науке в 1990-х годах — практически целиком и сразу. Такое «явление» крупного мыслителя, естествен-

⁷³ Фуко 1977.

⁷⁴ Kull 1999: 121.

но, требовало определенного фокуса внимания, позволявшего сформировать его образ, отмеченный национальной спецификой и актуальностью. Действительно, поначалу он стал вырисовываться, причем в том виде, в каком появился в 1960-е годы во Франции.

Представляется очевидным, что и переводу 1977 г., и интересу к Фуко 1990-х годов способствовала интеллектуальная память о русском формализме и понимании того, что он сыграл свою роль в возникновении французского структурализма⁷⁵: под его влиянием находились, в частности, Клод Леви-Стросс и Ролан Барт. Однако постепенно шарм Фуко как блестящего, но сложного структуралиста, говорившего о языке и «знаках», развеялся как не удовлетворяющий актуальной повестке научного сообщества. На место существовавших какое-то время порядка и однозначности в восприятии Фуко десятилетие спустя пришел анархизм, о котором можно судить по пестроте ответов видных специалистов на вопрос: «Актуален ли Фуко для России?» — в № 49 «НЛО» за 2001 г.

Сказать, что какой-то образ Фуко воспарил над хаосом, нельзя, хотя на этом пути в 2000-е годы были сделаны серьезные шаги, среди которых, например, трехтомник «Интеллектуалы и власть», содержащий в себе статьи и интервью, переведенные из «Dits et Écrits»⁷⁶, сборник «Фуко и Россия»⁷⁷, упомянутый номер «НЛО» и многочисленные переводы, опубликованные журналом «Логос». Одним из признаков сохранившейся эклектики можно считать то, что в современной русскоязычной литературе о мыслителе до сих пор не сложилось единого концептуального языка.

Традиция перевода отсутствует не только на семантическом, но даже на фонетическом уровне. Авторы исследований и переводов, затрагивающих важное для настоящей статьи понятие *governmentality*, не могут прийти к единому мнению относительно русского эквивалента: Григорий Юдин предлагает вариант «правительственная ментальность»⁷⁸, Ольга Волкова — «властоментальность»⁷⁹; в переводах, изданных журналом «Логос», оно фигурирует и как «правительственность», и как «правительность», причем один и тот же переводчик может употреблять оба варианта⁸⁰.

Другим сложным понятием оказалось слово *foucauldian*, обозначающее соотнесенность с Фуко. В предисловии к сборнику «Фуко и Россия» Олег Хархордин констатирует: «В русских докладах, а также в переводах встречались различные термины, описывающие связи с Фуко: например фукольдианский, фуколдианский, фукодианский, фукоанский, фукианский; фукодианец, фуколдианец, фукианец и т.п. Поскольку не существует единого, устоявшегося канона... были сделаны редакторские попытки избежать необходимости употреблять прилагательные, производные от имени „Фуко“»⁸¹.

В настоящей статье понятие *governmentality* было переведено как «искусство правления» (эквивалент самого Фуко) и как «ментальность правления» с оригинальным термином в скобках, а *foucauldian* из соображений благозвучия и следования фонетике французского оригинала

⁷⁵ Это уמוза-
ключение вполне
соотносится со
статистикой
русскоязычного
цитирования Фуко
в Google Scholar:
в ней до сих пор
лидируют его
«структуралист-
ские» работы —
«Слова и вещи»
и «Археология
знания».

⁷⁶ Фуко 2002, 2005,
2006.

⁷⁷ Фуко 2001.

⁷⁸ Юдин 2013.

⁷⁹ Волкова 2014.

⁸⁰ Подробнее см.
Донзло, Гордон
2008: прим. 3.

⁸¹ Фуко 2001: 7—8.

⁸² О трудностях перевода этого понятия на русский см., напр. Куренной 2012.

(*foucauldienne*) я транслитерировал как «фукольдианский». К сожалению, избежать употребления представляющего наибольшую сложность понятия *Foucault Studies* не удалось. Данное понятие оставлено в тексте в оригинальной, англоязычной форме, поскольку, во-первых, оно обозначает тип «исследований» не в общем смысле, а именно в духе других «studies» (*governmentality studies, disability studies, cultural studies*)⁸², во-вторых, это одновременно «исследования» и самого Фуко, и о Фуко, и в духе Фуко, что нельзя передать каким-либо русскоязычным эквивалентом в отсутствие аналогичного семантического контекста.

⁸³ Донзло, Гордон 2008.

⁸⁴ Donzelot, Gordon 2008.

Эклектично и существование текстов, так или иначе связанных с «эффектом Фуко» и *Foucault Studies* в России. В 2008 г. в «Логосе» появился перевод интервью Гордона «Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире»⁸³, взятого из журнала «Foucault Studies»⁸⁴; его можно считать ключевым для понимания соответствующей проблематики русскоязычным текстом. Однако «эффект Фуко», в отличие от исследований ментальности правления (*governmentality studies*), пока не обратил на себя серьезного внимания и был упомянут лишь в нескольких работах. Среди них рецензия Юдина на русскоязычный перевод «Рождения биополитики», где этот историографический феномен определен автором в урезанном виде — как «неожиданный» эффект лекций о биополитике, причем в Великобритании, и потому не может быть встроен в общий контекст *Foucault Studies*. Об «эффекте Фуко» пишет также Александр Бикбов, который пытается зафиксировать его в пространстве французской академии, но, ничего не обнаружив, отказывает «создавшему его» англоязычным исследователям в «согласованной деятельности»⁸⁵.

⁸⁵ Бикбов 2010: 5.

⁸⁶ Foucault 2015a.

⁸⁷ Foucault 2015b.

Между тем, как я попытался показать выше, методологические особенности и направленность современных англоязычных исследований, посвященных Фуко, определяются задачами, отличными от тех, что ставит перед собой традиционная академическая наука (к которой прежде всего привыкли в нашей стране). Сегодня представителей *Foucault Studies* больше интересуют проблемы неолиберальных западных обществ, нежели историко-философская аналитика. Так, на острие актуальности в информационном пространстве находится тема беженцев в Европе, обострившаяся в связи с военными конфликтами в Ливии и Сирии, — в результате 17 сентября во французской газете «Libération» было опубликовано интервью Фуко о беженцах в период войны во Вьетнаме⁸⁶. Его перевод на английский язык занял у фукольдианцев 12 дней⁸⁷! И это неудивительно, поскольку сама среда нацеливает исследовательское сообщество *Foucault Studies* на актуализацию различных элементов теории мыслителя. Отечественная же гуманитарная наука оказывается в стороне — и потому, что придерживается более классических представлений о своих задачах и методах, и потому, что вписана в другой социокультурный и политический контекст.

Библиография

- Бикбов** А. 2010. Осваивая французскую исключительность, или Фигура интеллектуала в пейзаже // *Логос*. № 1.
- Вен** П. 2003. *Как пишут историю: Опыт эпистемологии*. — М.
- Волкова** О. 2014. Властоментальность: к вопросу об определении объекта исследования // *Политическая концептология*. № 2.
- Донзло** Ж., Гордон К. 2008. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире // *Логос*. № 2.
- Канторович** Э. 2014. *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. — М.
- Куренной** В. 2012. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Логос*. № 1 (85).
- Уайт** Х. 2002. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. — Екатеринбург.
- Фуко** и *Россия*. 2001. — СПб., М.
- Фуко** М. 1977. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. — М.
- Фуко** М. 1994. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. — СПб.
- Фуко** М. 2002. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 1. — М.
- Фуко** М. 2005. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 2. — М.
- Фуко** М. 2006. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. — М.
- Эрибон** Д. 2008. *Мишель Фуко*. — М.
- Юдин** Г. 2013. Рецензия на книгу: Мишель Фуко. Рождение био-политики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. № 3.
- Юрчак** А. 2015. Ленин мертв: Интервью с Е.Костылевой // *Colta.ru*. 1.06 (<http://www.colta.ru/articles/society/7482>).
- Aalst** J.van. 2010. Using Google Scholar to Estimate the Impact of Journal Articles in Education // *Educational Researcher*. Vol. 39. № 5.
- Beaulieu** A. 2010. The Foucault Archives at Berkeley // *Foucault Studies*. № 10.
- Brady** M. 2014. Introduction // *Foucault Studies*. № 18.
- Burchell** G., Gordon C., Miller P. (eds.) 1991. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. — Chicago.
- Castel** R. 1992. The Two Readings of Histoire de la Folie in France // Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.
- Disney** T. 2015. Complex Spaces of Orphan Care — a Russian Therapeutic Children's Community // *Children's Geographies*. Vol. 13. № 1.
- Donzelot** J., Gordon C. 2008. Governing Liberal Societies — the Foucault Effect in the English-speaking World // *Foucault Studies*. № 5.
- Elden** S. 2015. Foucault's 1983 Seminar at Berkeley // *Progressive Geographies*. 5.06 (<http://progressivegeographies.com/2015/06/05/foucaults-1983-seminar-at-berkeley-tracing-the-people-in-the-cowboy-hat-photograph/>).

Foucault M. 1977. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. — N.Y.

Foucault M. 1979. *The History of Sexuality*. — N.Y.

Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*. — N.Y.

Foucault M. 1994. *Dits et Écrits 1954—1988*. Vol. I—IV. — P.

Foucault M. 2015a. Les hommes réprimés par la dictature choisiront d'échapper à l'enfer // *Libération*. 17.09 (http://www.liberation.fr/debats/2015/09/17/michel-foucault-en-1979-les-hommes-reprimes-par-la-dictature-choisiront-d-echapper-a-l-enfer_1384684).

Foucault M. 2015b. Michel Foucault on Refugees — a Previously Untranslated Interview from 1979 // *Progressive Geographies*. 29.09 (<http://progressivegeographies.com/2015/09/29/michel-foucault-on-refugees-a-previously-untranslated-interview-from-1979/>).

Foucault Studies: Editorial Policies (<http://rauli.cbs.dk/index.php/foucault-studies/about/editorialPolicies>).

Fritsch K. 2015. Desiring Disability Differently: Neoliberalism, Heterotopic Imagination and Intra-corporeal Reconfigurations // *Foucault Studies*. № 19.

Golob M.I., Giles A.R. 2015. Multiculturalism, Neoliberalism and Immigrant Minorities' Involvement in the Formation and Operation of Leisure-oriented Ventures // *Leisure Studies*. Vol. 34. № 1.

Gordon C. 1980a. Preface // Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*. — N.Y.

Gordon C. 1980b. Afterward // Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*. — N.Y.

Gordon C. 1990. Histoire de la Folie: an Unknown Book by Michel Foucault // *History of the Human Sciences*. № 3.

Gordon C. 2011. *Governmentality and the Genealogy of Politics* (<http://backdoorbroadcasting.net/2011/06/colin-gordon-governmentality-and-the-genealogy-of-politics/>).

Gordon C. 2015. Foucault, Neoliberalism etc. // *Foucault News*. January (<https://foucaultnews.files.wordpress.com/2015/01/colin-gordon-2015.pdf>).

Grossberg L. 1996. History, Politics and Postmodernism: Stuart Hall and Cultural Studies // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Guibert H. 1990. *À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*. — P.

Gutting G. (ed.) 2005. *The Cambridge Companion to Foucault*. — Cambridge.

Hall S. 1980. Cultural Studies: Two Paradigms // *Media, Culture and Society*. Vol. 2. № 1.

Hall S., Chen K.-H. 1996. Cultural Studies and the Politics of Internationalization: An Interview // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Hall S., Grossberg L. 1996. On Postmodernism and Articulation: An Interview with Stuart Hall // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Hanna P., Johnson K., Stenner P., Adams M. 2015. Foucault, Sustainable Tourism, and Relationships with the Environment (Human and Nonhuman) // *GeoJournal*. Vol. 80. № 2.

Hardt H. 1996. British Cultural Studies and the Return of the «Critical» in American Mass Communication Research: Accommodation or Radical Change? // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Harzing A.W. 2008. *Google Scholar — a New Data Source for Citation Analysis* (http://www.harzing.com/pop_gs.htm).

Johnson R. 1986. What Is Cultural Studies Anyway? // *Social Text*. № 16.

Kelly M.G.E. 2015. Foucault and Neoliberalism Today // *Contrivers' Review*. 9.03 (<http://www.contrivers.org/articles/12/>).

Kousha K., Thelwall M. 2007. Google Scholar Citations and Google Web/URL Citations: A Multi-discipline Exploratory Analysis // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 58. № 7.

Kull K. 1999. Towards Biosemiotics with Yuri Lotman // *Semiotica*. Vol. 127. № 1—4 (<http://www.zbi.ee/~kalevi/semi.1999.127.115.pdf>).

LaCapra D. 1992. Foucault, History and Madness // Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.

Macey D. 2004. *Michel Foucault*. — L.

Maddalena K., Packer J. 2015. The Digital Body: Telegraphy as Discourse Network // *Theory, Culture and Society*. Vol. 32. № 1.

Mandrou R., Braudel F. 1962. Trois clefs pour comprendre la folie à l'époque classique // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 17e Année. № 4.

Megill A. 1987. The Reception of Foucault by Historians // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 48. № 1.

Most Cited Authors in the Humanities, 2007. 2009 // *Times Higher Education*. 26.03 (<https://www.timeshighereducation.com/news/most-cited-authors-of-books-in-the-humanities-2007/405956.article>).

Niesche R. 2015. Governmentality and My School: School Principals in Societies of Control // *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 47. № 2.

O'Farrell C. 2005. *Michel Foucault*. — L.

Rabinow P. (ed.) 1984. *The Foucault Reader*. — N.Y.

Raffnsøe S. et al. 2014. Editorial // *Foucault Studies*. № 18.

Raffnsøe S. et al. 2015. Editorial // *Foucault Studies*. № 19.

Scull A. 1992. A Failure to Communicate? On the Reception of Foucault's *Histoire de la Folie* by Anglo-American Historians // Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.

Sparks C. 1996. Stuart Hall, Cultural Studies and Marxism // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.

The Foucault Effect 1991—2011. A Conference at Birkbeck College, University of London Reflecting on 20 years of «The Foucault Effect: Studies in Governmentality». 2011 (<http://backdoorbroadcasting.net/2011/06/the-foucault-effect/>).

Tremain S. 2015. New Work on Foucault and Disability: An Introductory Note // *Foucault Studies*. № 19.

White H.V. 1973. Foucault Decoded: Notes from Underground // *History and Theory*. Vol. 12. № 3.

White H.V. 1977. Review of Michel Foucault «Surveiller et punir» // *American Historical Review*. Vol. 82. № 3.

White H.V. 1979. Michel Foucault // Sturrock J. (ed.) *Structuralism and Since: from Lévi-Strauss to Derrida*. — Oxford.

Yurchak A. 2015. Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty // *Representations*. № 129.

Zamora D. (ed.) 2014. *Critiquer Foucault: Les années 1980 et la tentation néolibérale*. — Brussels.

Zamora D. 2014. Can We Criticize Foucault? // *Jacobin*. 10.12 (<https://www.jacobinmag.com/2014/12/foucault-interview/>).

References

Aalst J.van. 2010. Using Google Scholar to Estimate the Impact of Journal Articles in Education // *Educational Researcher*. Vol. 39. № 5.

Beaulieu A. 2010. The Foucault Archives at Berkeley // *Foucault Studies*. № 10.

Bikbov A. 2010. Osvaivaja francuzskuju iskljuchitel'nost', ili Figura intellektuala v pejzazhe // *Logos*. № 1.

Brady M. 2014. Introduction // *Foucault Studies*. № 18.

Burchell G., Gordon C., Miller P. (eds.) 1991. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. — Chicago.

Castel R. 1992. The Two Readings of Histoire de la Folie in France // Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.

Disney T. 2015. Complex Spaces of Orphan Care — a Russian Therapeutic Children's Community // *Children's Geographies*. Vol. 13. № 1.

Donzelot J., Gordon C. 2008. Governing Liberal Societies — the Foucault Effect in the English-speaking World // *Foucault Studies*. № 5.

Donzelot J., Gordon C. 2008. Upravljenje liberal'nymi obshhestvami — effect Foucault v anglojazychnom mire // *Logos*. № 2

Ehribon D. 2008. *Mishel' Fuko*. — M.

Elden S. 2015. Foucault's 1983 Seminar at Berkeley // *Progressive Geographies*. 5.06 (<http://progressivegeographies.com/2015/06/05/foucaults-1983-seminar-at-berkeley-tracing-the-people-in-the-cowboy-hat-photograph/>).

Foucault i Rossija. 2001. — SPb., M.

Foucault M. 1977. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. — N.Y.

Foucault M. 1977. *Slova i veshhi: Arkheologija gumanitarnykh nauk*. — M.

- Foucault M.** 1979. *The History of Sexuality*. — N.Y.
- Foucault M.** 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*. — N.Y.
- Foucault M.** 1994. *Dits et Écrits 1954—1988*. Vol. I—IV. — P.
- Foucault M.** 1994. *Slova i veshhi: Arkheologija gumanitarnykh nauk*. — SPb.
- Foucault M.** 2002. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju*. Ch. 1. — M.
- Foucault M.** 2005. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju*. Ch. 2. — M.
- Foucault M.** 2006. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju*. Ch. 3. — M.
- Foucault M.** 2015a. Les hommes réprimés par la dictature choisiront d'échapper à l'enfer // *Libération*. 17.09 (http://www.liberation.fr/debats/2015/09/17/michel-foucault-en-1979-les-hommes-reprimes-par-la-dictature-choisiront-d-echapper-a-l-enfer_1384684).
- Foucault M.** 2015b. Michel Foucault on Refugees — a Previously Untranslated Interview from 1979 // *Progressive Geographies*. 29.09 (<http://progressivegeographies.com/2015/09/29/michel-foucault-on-refugees-a-previously-untranslated-interview-from-1979/>).
- Foucault Studies: Editorial Policies** (<http://rauli.cbs.dk/index.php/foucault-studies/about/editorialPolicies>).
- Fritsch K.** 2015. Desiring Disability Differently: Neoliberalism, Heterotopic Imagination and Intra-corporeal Reconfigurations // *Foucault Studies*. № 19.
- Golob M.I., Giles A.R.** 2015. Multiculturalism, Neoliberalism and Immigrant Minorities' Involvement in the Formation and Operation of Leisure-oriented Ventures // *Leisure Studies*. Vol. 34. № 1.
- Gordon C.** 1980a. Preface // Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*. — N.Y.
- Gordon C.** 1980b. Afterward // Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*. — N.Y.
- Gordon C.** 1990. Histoire de la Folie: an Unknown Book by Michel Foucault // *History of the Human Sciences*. № 3.
- Gordon C.** 2011. *Governmentality and the Genealogy of Politics* (<http://backdoorbroadcasting.net/2011/06/colin-gordon-governmentality-and-the-genealogy-of-politics/>).
- Gordon C.** 2015. Foucault, Neoliberalism etc. // *Foucault News*. January (<https://foucaultnews.files.wordpress.com/2015/01/colin-gordon-2015.pdf>).
- Grossberg L.** 1996. History, Politics and Postmodernism: Stuart Hall and Cultural Studies // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.
- Guibert H.** 1990. *À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*. — P.
- Gutting G.** (ed.) 2005. *The Cambridge Companion to Foucault*. — Cambridge.
- Hall S.** 1980. Cultural Studies: Two Paradigms // *Media, Culture and*

Society. Vol. 2. № 1.

Hall S., Chen K.-H. 1996. Cultural Studies and the Politics of Internationalization: An Interview // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Hall S., Grossberg L. 1996. On Postmodernism and Articulation: An Interview with Stuart Hall // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Hanna P., Johnson K., Stenner P., Adams M. 2015. Foucault, Sustainable Tourism, and Relationships with the Environment (Human and Nonhuman) // *GeoJournal*. Vol. 80. № 2.

Hardt H. 1996. British Cultural Studies and the Return of the «Critical» in American Mass Communication Research: Accommodation or Radical Change? // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.

Harzing A.W. 2008. *Google Scholar — a New Data Source for Citation Analysis* (http://www.harzing.com/pop_gs.htm).

Johnson R. 1986. What Is Cultural Studies Anyway? // *Social Text*. № 16.

Kantorowicz E.H. 2014. *Dva tela korolja: Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii*. — M.

Kelly M.G.E. 2015. Foucault and Neoliberalism Today // *Contrivers' Review*. 9.03 (<http://www.contrivers.org/articles/12/>).

Kousha K., Thelwall M. 2007. Google Scholar Citations and Google Web/URL Citations: A Multi-discipline Exploratory Analysis // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 58. № 7.

Kull K. 1999. Towards Biosemiotics with Yuri Lotman // *Semiotica*. Vol. 127. № 1—4 (<http://www.zbi.ee/~kalevi/semi.1999.127.115.pdf>).

Kurennoy V. 2012. Issledovatel'skaja i politicheskaja programma kul'turnykh issledovanij // *Logos*. № 1 (85).

LaCapra D. 1992. Foucault, History and Madness // Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.

Macey D. 2004. *Michel Foucault*. — L.

Maddalena K., Packer J. 2015. The Digital Body: Telegraphy as Discourse Network // *Theory, Culture and Society*. Vol. 32. № 1.

Mandrou R., Braudel F. 1962. Trois clefs pour comprendre la folie à l'époque classique // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 17e Année. № 4.

Megill A. 1987. The Reception of Foucault by Historians // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 48. № 1.

Most Cited Authors in the Humanities, 2007. 2009 // *Times Higher Education*. 26.03 (<https://www.timeshighereducation.com/news/most-cited-authors-of-books-in-the-humanities-2007/405956.article>).

Niesche R. 2015. Governmentality and My School: School Principals in Societies of Control // *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 47. № 2.

O'Farrell C. 2005. *Michel Foucault*. — L.

- Rabinow P.** (ed.) 1984. *The Foucault Reader*. — N.Y.
- Raffnsøe S.** et al. 2014. Editorial // *Foucault Studies*. № 18.
- Raffnsøe S.** et al. 2015. Editorial // *Foucault Studies*. № 19.
- Scull A.** 1992. A Failure to Communicate? On the Reception of Foucault's *Histoire de la Folie* by Anglo-American Historians // Still A., Velody I. (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.
- Sparks C.** 1996. Stuart Hall, Cultural Studies and Marxism // Morley D., Chen K.-H. (eds.) 1996. *Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies*. — N.Y.
- Still A., Velody I.** (eds.) 2012. *Rewriting the History of Madness: Studies in Foucault's «Histoire de la Folie»*. — N.Y.
- The Foucault Effect 1991—2011.** *A Conference at Birkbeck College, University of London Reflecting on 20 years of «The Foucault Effect: Studies in Governmentality»*. 2011 (<http://backdoorbroadcasting.net/2011/06/the-foucault-effect/>).
- Tremain S.** 2015. New Work on Foucault and Disability: An Introductory Note // *Foucault Studies*. № 19.
- Veyne P.** 2003. *Kak pishut istoriju: Opyt ehpiistemologii*. — M.
- Volkova O.** 2014. Vlastomental'nost': k voprosu ob opredelenii ob'ekta issledovaniya // *Politicheskaja konceptologija*. № 2.
- White H.** 2002. *Metaistorija: Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka*. — Ekaterinburg.
- White H.V.** 1973. Foucault Decoded: Notes from Underground // *History and Theory*. Vol. 12. № 3.
- White H.V.** 1977. Review of Michel Foucault «Surveiller et punir» // *American Historical Review*. Vol. 82. № 3.
- White H.V.** 1979. Michel Foucault // Sturrock J. (ed.) *Structuralism and Since: from Lévi-Strauss to Derrida*. — Oxford.
- Yudin G.** 2013. Recenzija na knigu: Michel Foucault. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978—1979 uchebnom godu // *Laboratorium: Zhurnal social'nykh issledovanij*. № 3.
- Yurchak A.** 2015. Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty // *Representations*. № 129.
- Yurchak A.** 2015. Lenin mjortv: Interv'ju s E.Kostylevoj // *Colta.ru*. 1.06 (<http://www.colta.ru/articles/society/7482>).
- Zamora D.** (ed.) 2014. *Critiquer Foucault: Les années 1980 et la tentation néolibérale*. — Brussels.
- Zamora D.** 2014. Can We Criticize Foucault? // *Jacobin*. 10.12 (<https://www.jacobinmag.com/2014/12/foucault-interview>).